

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20160401
УДК 930 (571.1/.5) "1800/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» (XIX – НАЧАЛО XX вв.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. А. Николаева, 8

В статье дается обзор работ современных англоязычных и немецкоязычных историков-сибиреведов, анализирующих содержание понятий «региональная идентичность», «региональное сознание» и «сибирский регионализм» (В. Фауст, С. Штух), а также рассматриваются определяющие факторы, которые влияли на восприятие Сибири как историко-географического пространства и формирование способов идентификации и самоидентификации сибирского населения в пореформенный период (Э.-М. Столберг, Ч. Стейнвелд, В. Сандерланд). Такими факторами исследователи считают географические и культурные особенности региона, многообразный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике и т.п.

Ключевые слова: сибирская идентичность, региональное сознание, регионализм, сибирское областничество.

D.A. ANANYEV

CONTEMPORARY ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS ON THE FORMATION OF CONCEPT OF «SIBERIAN IDENTITY» (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The purpose of the article is to give an overview of works written by the contemporary English- and German-language researchers of the pre-revolutionary history of Siberia on the problems of mental representation of geographical space, development of “regional consciousness” and “Siberian regional identity”. Most of scholars consider the “Siberian identity” as being formed on the people’s common territorial base, therefore, they define it as “territorial” or “regional” identity. In this respect much attention is paid to the problems of development of “regional consciousness” and regionalism as a form of territorial communities’ self-identification. Western scholars addressed the phenomenon of “Siberian regionalism” in the 1970s-1980s (G.Hanson, S.Watrous, A.Wood, D.Mohrenschildt, W.Faust et al.) based mostly on the analysis of numerous publications of the Siberian oblastniks (N.M.Yadrintsev, G.N.Potanin et al.). In the early XX century theoretical and terminology aspects of the topic have been elaborated by the German historian St.Stuch who analyzes the meaning of such terms as “region”, “regional consciousness”, “regional movement”, “Siberian culture” etc. He

* Статья подготовлена в рамках проекта П.2/ХП.190-1 «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН.

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Denis A. Ananyev – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

believes that in Siberia the regional consciousness was formed mostly due to the common desire of the Siberian intelligentsia to treat the Siberian periphery on an equal footing as the regions of European Russia. German researcher E.-M. Stolberg, in her turn, argues that other factors - such as specific geographic and cultural conditions, the "frontier" character of Siberian territories - were even more critical for the formation of Siberian identity. However, the natural process of the Siberian identity's development was deflected by the centralizing and unifying policy of the government. Unlike E.-M. Stolberg an American historian Ch. Steinwedel believes that governmental policy towards Siberia was based on the different criteria of identity taking into account the specific features of the region. Western historians rarely use the general term "Siberian identity" focusing on the identity of various groups of Siberian population (both indigenous and non-indigenous). However their research findings should be taken into consideration by those who study the topic of "Siberian regional identity" that became so relevant at the turn of the XX-XXI centuries.

Key words: Siberian identity, regional consciousness, regionalism, Siberian regionalism.

Рост регионального самосознания, отмечаемый в последние десятилетия в Сибири [1], актуализировал регионалистский дискурс, обусловил интерес исследователей к изучению особенностей самовосприятия сибиряков, к феномену «сибирской идентичности». В настоящей статье предпринята попытка дать обзор работ современных англоязычных и немецкоязычных исследователей дореволюционной истории Сибири, затрагивающих проблемы ментальной репрезентации географического пространства, анализирующих содержание понятий «региональное сознание» и «сибирская региональная идентичность».

Обращаясь к проблемам «воображаемой географии», «пространственного мышления» и «пространственного конструирования» зарубежные и отечественные историки-сибиреведы отмечают, что восприятие пространства — динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

В социальных науках для обозначения способов и характера самоопределения индивидов, осознания ими своей принадлежности, сопричастности к окружающей реальности используется категория «идентичность» [10, 11]. Соответственно, связь индивида с конкретной территорией, регионом лежит в основе формирования «региональной» или «территориальной» идентичности. Традиционно «сибирская идентичность» понимается как основанная на общности территории, освоенной человеком, и, соответственно, определяется как «территориальная» или «региональная» идентичность [1].

По определению Дж. Пола, региональная идентичность не существует сама по себе, а конструируется и постоянно реконструируется в результате социальных интеракций [12, 13]. Современные отечественные исследователи сходятся во мнении, что для изучения «сибирской идентичности» более продуктивной оказывается «конструктивистская перспектива» [1; 12]¹. В рамках конструктивистского подхода предполагается, что идентичность формируется в ситуациях столкновения или соприкосновения с «Другим», в которых

собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой [1, с. 20].

По мнению А.О. Боронова, понятие «сибирской идентичности» применимо уже к историческим реалиям XVII в., когда возникли понятия «сибирянин», «сибиряк» [15]. Более обоснованной представляется позиция А.В. Ремнева, утверждавшего, что несмотря на появление понятия «сибиряк» уже в начальный период сибирской истории, у старожилов долгое время не возникло потребности отделять себя от новоселов, и вплоть до середины XIX в. слово «сибиряк» нельзя было отнести к общеупотребительным.

Используя терминологию М. Хроха, А.В. Ремнев пришел к выводу, что «региональная идентичность» конструировалась, прежде всего, местными интеллектуалами на основе стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма. По его мнению попытка «осуществить идею «сибирского народа», «вообразить» его как влиятельную региональную общность была впервые предпринята в XIX в. представителями областного движения, сделавшими главным элементом своей концепции идею «общей территории» как некоей качественной сущности, менявшей переселившихся сюда людей. [9. С.111]

В научной литературе термины «региональное сознание» и «региональная идентичность» объединяют с понятием «регионализм», которым обозначаются различные формы самоидентификации территориальных сообществ. На Западе изучению темы «сибирского регионализма» (как и в советской историографии) долгое время не уделялось должного внимания, поскольку не подвергался сомнению тезис о том, что на протяжении многих веков самодержавие стремилось, прежде всего, к нивелированию региональных особенностей. По справедливому замечанию немецкого историка В. Фауста, такая интерпретация русской истории является крайне односторонней, однако она объясняет, почему западная историография, не критически усвоившая данный вывод, столь мало интересовалась историческими судьбами российских окраин [16].

В 1970–1980-х гг. на волне возросшего интереса западной общественности к проблематике регионализма в англоязычной историографии появились исследования по истории сибирского областничества (их авторы – Г.А. Хэнсон, С.Д. Уотрус, Н. Перейра, Д. фон Мореншильдт, А. Вуд [17, 18, 19, 20, 21]). В немец-

¹ Конструктивистскому подходу соответствует «слабое» значение термина «идентичность», сфокусированное на проблематике интеракции, в противовес «сильному» или эссенциалистскому подходу, согласно которому в формировании идентичности проявляются объективные и устойчивые характеристики реальности [14].

кой историографии существенный вклад в разработку данной темы внес В. Фауст, защитивший диссертацию по истории сибирского областничества в Кельнском университете в 1980 г. Исследование написано на основе анализа широкого круга источников, в том числе многочисленных публикаций Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и других в периодической печати. обстоятельное изучение биографий «областников» позволило автору лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений. В то же время, по верному замечанию С. Чаттерджи, В. Фауст анализировал не только идеи лидеров движения, но и социальный контекст, «переходное состояние» сибирского общества в рассматриваемый исторический период [22].

В диссертации В. Фауста рассматривается история взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, подчеркивается связь некоторых идей «областничества» с учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и историков. Истоки «областничества» В. Фауст вслед за М.А. Рубач усматривает в трудах А.П. Щапова и федералистских идеях Н.И. Костомарова, не сомневаясь в сепаратистских устремлениях «областников» на раннем этапе (в современной отечественной историографии данный вывод фактически оспорил М.В. Шиловский [23, с. 40]), но видит в этих устремлениях, скорее, проявления «политической неуверенности и признаков нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом [16, S. 144].

В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колониализации») Сибири. По его мнению, именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, способствуя преодолению «колониального прошлого» и впервые пробудив в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией».

Теоретические и терминологические аспекты темы разрабатывал и другой выпускник Кельнского университета — Стефан Штух. В своих работах, посвященных истории областнического движения начала XX в. [24, 25], немецкий исследователь отмечает, что наряду с понятием региона как географической единицы существует понимание региона как социальной категории и как «социально-структурированного пространства». Для того чтобы понять действительное значение областнических настроений в Сибири в начале XX в., историк стремится выяснить, в какой степени и для какой части населения Сибирский регион в рассматриваемый исторический период являлся «ментальным пространством» и «пространством деятельности».

По определению С. Штуха, регион как «ментальное пространство» является «территориально-соци-

альной структурой», занимающей промежуточное положение между непосредственно ощущаемым жизненным пространством индивида и национально-государственным образованием. Иными словами, «регион» представляет собой ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Таким образом, принципиальное значение имеет осознание хотя бы частью населения своей связи с территорией, на которой оно проживает.

Признание своеобразия и единства региона в сравнении с другими областями или в противопоставлении с территориальным образованием, имеющим более высокий статус, С. Штух обозначает понятием «региональное сознание». По его мнению если в политическом дискурсе формулируются особые интересы региона (за которыми в действительности могут стоять вполне конкретные группы населения), то можно говорить о политическом «региональном движении». Чем сильнее удастся оттеснить на задний план конкурирующие «возможности идентификации» и превратить «регион» в главную «опорную точку», тем полнее развернется региональное движение. Успех такого движения во многом будет зависеть от способности его участников освободить население от социальных или частных обязательств, равно как общегосударственных интересов, и повести за собой на основе региональных интересов.

С. Штух доказывает, что «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в., и это, по словам историка, само по себе не может не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальные размеры географического пространства, его физическую гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами вследствие низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего, в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Исследователь перечисляет основные факторы, способствовавшие формированию регионального сознания, в том числе: распространение топонима «Сибирь» (по мере продвижения русских) на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России — например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором исследователь считает развитие «сибирской культуры», которая в силу своей тесной зависимости от русской культуры мало способ-

ствовала осознанию регионального неравенства. Более существенное значение имело развитие самосознания сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни.

Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» или «падчерицы России» и аккумулировавшее в себе опыт, приобретенный общественной элитой Сибири в условиях авторитарной системы. «Сибиряки» полагали, что политический Центр откладывал важные реформы, призванные покончить с относительной отсталостью Сибири по сравнению с центральными регионами империи. По их мнению, ущемление интересов региона проявилось, прежде всего, в нежелании правительства распространить на Сибирь земскую реформу, в проводимой государством переселенческой политике и, наконец, в сохранявшейся экономической зависимости Сибири от Европейской России.

Таким образом, в представлении С. Штуха, возможности региональной «идентификации» в Сибири определялись прежде всего общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение. В свою очередь, немецкая исследовательница Э.-М. Столберг полагает, что в Сибири важнейшим фактором, формирующим «идентичность», являлось наличие «подвижной границы» или «фронта», т.е. специфические географические и культурные условия, а решающую роль в освоении региона играл деятельный индивид.

Э.-М. Столберг замечает, что русские переселенцы в Сибири были не менее свободолюбивы, чем североамериканские колонисты, несмотря на то, что с освоением американского Запада связано стереотипное представление о свободолюбивом американском народе, тогда как Россия ассоциируется с самодержавием, крепостным правом, а Сибирь — с каторгой и ссылкой. В действительности, по ее мнению, американский Запад в не меньшей степени был «царством насилия», но это было насилие индивидов, тогда как в Сибири преобладало насилие государства. В этом заключалось существенное различие между американским и сибирским «фронтом», хотя в обоих случаях подтверждалось правило: гражданские добродетели на периферии были развиты слабо.

Другое принципиальное различие исследовательница видит в том, что федералистские структуры США и Канады оказались более эффективными в использовании потенциала природных ресурсов и людей, чем на это были способны централизованные органы власти царской империи, а затем и Советского Союза. Если в течение трех веков сибирский «фронт» обрел сходство с американским Западом благо-

даря духу первопроходцев, присущему казакам, охотникам, промышленникам и крестьянам, то не следует удивляться тому, что в советскую эпоху на смену индивиду (как главному действующему лицу в сибирской истории) пришел коллектив.

Несмотря на то, что с конца XIX в. русская православная цивилизация под влиянием процессов индустриализации, растущей глобальной взаимозависимости и империализма получила импульс к экспансии и, по словам исследовательницы, «институционализировала в своей имперской динамике принципиально асимметричные культурные контакты с азиатскими народами [8, S.357], самодержавию не удалось с помощью «доктринальных шаблонов» (по духу близких к «теории официальной народности») преодолеть социально-экономическую конфронтацию, возникшую на окраине вследствие непрерывного стремления Центра к «подчинению политического, экономического и этнического регионализма». В результате отчетливо проявилась хрупкость такого рода интеграции на основе «воображаемой общности», и к концу имперского периода стало очевидно, что сибирская «граница заселения» обусловила довольно неустойчивый уклад жизни.

В отличие от Э.-М. Столберг, американский историк Ч. Стейнвелл полагает, что в основу политики, проводившейся правительством в отношении Сибири, были положены критерии идентичности, учитывавшие особенности региона [26]. По мнению Ч. Стейнвелла, колонизация Азиатской России изменила представления о социальной иерархии и национальной идентичности, характерные для придворных кругов и консервативной части общества. В Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России (где доминировали дворяне), сделав выбор в пользу более инклюзивного общества, социально-экономической основой которого должно было стать частное землевладение. В Азиатской России сословный статус все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что стало заметно еще до революции 1905 г.

Изменения в представлениях правящих кругов о целях и задачах освоения восточных окраин зафиксированы, в частности, в «Записке» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, составленной по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г. Ч. Стейнвелл замечает, что авторы «Записки», рассматривавшие колонизацию как средство распространения русского влияния, оперировали двумя определениями нации: одно делало акцент на принадлежности к русскому этносу и православной вере, переселенцы идентифицировались как русские и как реализующие русский государственный интерес путем усиления границы империи с Китаем.

Однако, как считает Ч. Стейнвелл, куда чаще при характеристике сибирских переселенцев в тексте присутствует иное понимание «национальной/имперской идентичности», которая в большей мере основывалась на географии, подданстве и собственности,

нежели на принадлежности к православию и русскому этносу. Образ будущего Сибири, который рисовали себе П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, явно вдохновлял их. Авторы «Записки» утверждали, что переселения помогут Российской империи выполнить ее историческую миссию и защитить территорию, заселенную «европейскими племенами» от «азиатских рас», готовых ее заполнить. Таким образом, представители практически любой национальности могли принять участие в строительстве империи (если враг России характеризовался определенной расовой принадлежностью, а не национальной или религиозной).

По замечанию А.В. Ремнева, процесс «обрусения» Сибири воодушевлял не только русских националистов. Сибирские регионалисты тоже находили в нем свою нишу, но не считали «сибирскость» чем-то переходным или временным на пути к «единой и неделимой русской (российской) нации». «Сибирская идентичность» была ближе к политическому национальному проекту, нежели к жесткому конструкту этнонации, и сибиряк мог стать одним из областных (региональных) вариантов российской («большой русской») гражданской нации [9, с. 119].

Очевидно, при этом предполагалась ассимиляция русскими представителей самых разных этносов, проживавших в Сибири, хотя процессы ассимиляции и социокультурной адаптации могли происходить и в обратном направлении. Как отмечает американский историк В. Сандерланд [27], в смешанных поселениях пограничных областей русские и нерусские оказывали разностороннее влияние друг на друга, и русское влияние не всегда было сильнее. В некоторых случаях, в противоположность ожиданиям чиновников и интеллектуальной элиты, не столько «инородцы» подвергались «обрусению», сколько русские «обынородчивались». Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, В. Сандерланд приводит примеры подобной ассимиляции и справедливо замечает, что хотя данное явление и не стало нормой, «обынородчивание» представляло собой такой аспект этнического ландшафта Российской империи, который невозможно игнорировать.

Таким образом, в современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «лингвистического» и «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятию, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры, как «пространство»). В отличие от отечественных исследователей, западные историки-сибиреведы редко используют обобщающий термин «сибирская идентичность», изучая «идентичность» различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В. Фауст, С. Штук и др.).

Ими установлено, что в числе основных факторов, повлиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства и определивших

способы идентификации и самоидентификации сибирского населения, следует указать географические и культурные особенности данного региона (обусловленные прежде всего взаимным влиянием пришлого и коренного населения), сложный этнический состав сибирского социума, особую роль местной интеллектуальной элиты, а также изменения в правительственной политике

Как представляется, полученные западными историками выводы следует учесть отечественным исследователям, изучающим проблему сибирской региональной идентичности, получившую столь актуальное звучание на рубеже XX–XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2012. 176 с.
2. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // American Historical Review. June. 1991. Vol. 96, N 3. P. 763–794.
3. Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Neue Folge. Bd. 48. H. 2. S. 210–232.
4. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Goettingen, 2007. 261 S.
5. Frank S.K. Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Habilitationsschrift, University of Konstanz, 2003.
6. Kivelson V. Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007. P. 21–40.
7. Kusber J. Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // Ab Imperio. 2008. Vol. 4. P. 52–74.
8. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. 329 S.
9. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109–128.
10. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журн. социально-гуманитарных исследований. 2013, № 5. С. 43–52.
11. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. М.: ИАЭ РАН, 2009. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. 147 с.
12. Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 335–343.
13. Paul J. Regional Identity // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by N. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 12917–12922.
14. Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002, N 3. С. 61–120.
15. Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.
16. Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980.
17. Mohrenschildt D., von. Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981. 305 p.

18. *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker : PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.

19. *Watrous S.D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970.

20. *Watrous S.D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.

21. *Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. P. 42–66.

22. *Chatterjee S.* The Steppe in History: Essays on the Eurasian Fringe. New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2010. 177 p.

23. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

24. *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003.

25. *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas* // *Neue Folge*, 2003, Bd. 51, H. 4. S. 549–563.

26. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007. P. 128–147.

27. *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обыкновенничество» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет.* М.: Новое изд-во, 2005. С. 199–227.

REFERENCES

1. *Anisimova A.A., Yechevskaya O.G.* Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization. Novosibirsk: RITs NGU, 2012, 176 p. (In Russ.)

2. *Bassin M.* Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*, 1991, vol. 96, no. 3, June, pp. 763–794. (In Russ.)

3. *Sunderland W.* The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, 2000, Bd. 48, H. 2, S. 210–232.

4. *Weiss C.* How Siberia Became «Ours»: the Russian Geographical Society and Its Impact on the Images and Views on Siberia in the XIX Century. Goettingen, 2007, 261 p. (In Germany)

5. *Frank S.E.* Imperial Appropriation: Discourse Strategies of Colonization of Siberia by the Russian Culture. Habilitation thesis, Univetsity of Konstanz, 2003. (In Russ.)

6. *Kivelson V.* Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007, pp. 21–40.

7. *Kusber J.* Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research. *Ab Imperio*. 2008, vol. 4, pp. 52–74.

8. *Stolberg E.-M.* Siberia: Russia's «Wild East». Myths and Social Reality in the XIX Century and XX Century. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009, 329 p. (In Germany)

9. *Remnev A.V.* Nationality «Siberian»: Regional Identity and Historical Constructivism of the XIX Century. *Politiya*. 2011, no. 3, pp. 109–128. (In Russ.)

10. *Golovneva Ye.V.* Regional Identity as a Form of Collective Identity and Its Structure. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*. 2013, no. 5, pp. 43–52. (In Russ.)

11. *Malkova V.K., Tishkov V.A.* Culture and Space. Vol.1: Images of the Republics of Russia on the Internet. M.: IAE RAN, 2009, 147 p. (In Russ.)

12. *Zaynutdinov A.E.* Siberian identity in the Mirror of Civilization Analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2012, no. 6, pp. 335–343. (In Russ.)

13. *Paul J.* Regional Identity. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.Smelser. L.: Elsevier, 2001, pp. 12917–12922.

14. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity». *Ab Imperio*. 2002, no. 3, pp. 61–120.

15. *Boronoev A.O.* Problems of Dynamics of Siberian Identity. *Obshchestvo, sreda, razvitiye*. 2010, no. 3, pp. 81–85. (In Russ.)

16. *Faust W.* Russia's Gold Mine: Siberian Regionalism in the Second Half of the XIX Century. Koeln; Wien, 1980. (In Germany)

17. *Mohrenschildt D., von.* Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth Century. Rutherford; London; Toronto, 1981, 305 p.

18. *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker : PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.

19. *Watrous S.D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD thesis. University of Washington. Seattle, 1970.

20. *Watrous S.D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. Ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. N.Y., 1993, pp. 113–132.

21. *Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo. *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert*. Ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. pp. 42–66.

22. *Chatterjee S.* The Steppe in History: Essays on the Eurasian Fringe. New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2010, 177 p.

23. *Shilovskiy M.V.* Siberian Regionalism in the Social and Political Life of the Region in the Second half of the XIX – First Quarter of the XX Century. Novosibirsk, 2008, 270 p. (In Russ.)

24. *Stuch St.* Regionalism in Siberia in the Early XX Century. Koeln, 2003. (In Germany)

25. *Stuch St.* Regionalsim in Siberia in the Early XX Century. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, 2003, bd. 51, h.4, pp. 549–563. (In German)

26. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, 2007, pp. 128–147.

27. *Sunderland W.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow: Novoye izd-vo, 2005, pp. 199–227. (In Russian)

Статья принята редакцией 03.10.2016